

ИМАГОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.17223/24099554/24/7

В.А. Жуковский в литературной критике 1803–1819 гг.

Виталий Сергеевич Киселев

Томский государственный университет, Томск, Россия, kv-uliss@mail.ru

Аннотация. В статье обозреваются критические и информационные материалы российской периодики 1803–1819 гг., посвященные личности и творчеству Жуковского. Определяется их роль в утверждении литературной репутации поэта и представления о ключевых особенностях его творческого метода. Реконструируется логика критической рефлексии над ведущими художественными формами Жуковского, новыми для словесности, – «визионерской» лирикой, балладами, гекзаметром.

Ключевые слова: литературная репутация, русская литература, В.А. Жуковский, литературная критика, журналистика

Источник финансирования: исследование проведено в Томском государственном университете в рамках проекта Российского научного фонда № 24-18-00386 «История русской литературной критики первой половины XIX века: В.А. Жуковский в прижизненной критической рецепции».

Для цитирования: Киселев В.С. В.А. Жуковский в литературной критике 1803–1819 гг. // Имагология и компаративистика. 2025. № 24. С. 126–163.
doi: 10.17223/24099554/24/7

Original article
doi: 10.17223/24099554/24/7

Vasily Zhukovsky in the literary criticism of 1803–1819

Vitaly S. Kiselev

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kv-uliss@mail.ru

Abstract. This article surveys critical and informational materials in the Russian periodical press from 1803 to 1819, dedicated to the persona and work of Vasily Zhukovsky. In the early stage (1803–1812), critical reviews were sporadic and reflected isolated facets of the writer's reputation: the notability of his first attempts (Pyotr I. Makarov), the merit of his translations (Mikhail T. Kachenovsky), the success of *Vestnik Evropy* and its individual publications (Pyotr I. Shalikov, reviewers for *Ulei* [The Beehive] and *Tsvetnik* [The Flower Garden], Sergey N. Glinka), and the reception of the anthology *A Collection of Russian Verses* (Pyotr A. Vyazemsky). Between 1813 and 1819, critical attention to Zhukovsky became far more consistent. During the period, the poet gained recognition both with the public and at the imperial court. In an artistic sense, the union of poetry and power gave rise to the phenomenon of "visionary lyricism," the specifics of which critics – such as the anonymous reviewers of *Syn otechestva* [Son of the Fatherland] and *Russkii invalid* [Russian Invalid], as well as Pavel M. Stroev and Vladimir V. Izmailov – sought to comprehend. The persistent critical framing of Zhukovsky's most ideologically charged and court-sanctioned poems helped sustain a broader interpretive context, which allowed the public to interpret even the most official brief notices about the poet's new works on events of court life or about new marks of the Tsar's favor toward him as acts of a special nature – as fragments of a discourse linking the poet, the state, and Providence. A second important vector of criticism was the definition of the distinctive features of Zhukovsky's artistic manner. Critics identified, firstly, a transcendental aspiration, ideality, and dreaminess, embodied in heightened symbolism, and secondly, pictorial quality and a "painterly" character. Reviewers found these traits in various combinations across all genres, but especially in his idylls and ballads. The reception of the latter marked a profound receptive shift in criticism – away from the aesthetics of late Classicism and the tenets of Karamzinian Sentimentalism, and toward the Romantic illusionism of the younger Karamzinists. Articles by Nikolay I. Gnedich, Aleksandr S. Griboedov, and Aleksey F. Merzlyakov on the ballad reveal new trends associated with this change in orientation: the assessment of French and German influence, and the logic of the national adaptation of genres. Further-

more, the controversy over the hexameter drew Zhukovsky's work into the conceptual sphere of Neoclassical artistic movements in the spirit of Johann J. Winckelmann.

Keywords: literary reputation, Russian literature, Vasily Zhukovsky, literary criticism, journalism

Financial support: The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00386: "History of Russian literary criticism of the first half of the 19th century: Vasily Zhukovsky in lifetime critical reception".

For citation: Kiselev, V.S. (2025) Vasily Zhukovsky in the literary criticism of 1803–1819. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 24. pp. 126–163. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/24/7

Перспективным направлением современного литературоведения является изучение рецепции личности и творчества Жуковского в критике [1]. При этом следует помнить, что русская литературная критика оформилась как влиятельный институт лишь в 1830–1840-е гг., а репутация поэта сложилась гораздо ранее – еще в 1810-е гг., а уже в 1820-х гг. подверглась канонизации. Таким образом, ранние разрозненные журнальные отзывы о произведениях Жуковского и событиях его профессиональной карьеры нужно оценивать на фоне более широких процессов, в которых пересекались интенции художественного и институционального плана.

Перипетии утверждения литературной репутации Жуковского мы осветили в двух особых статьях [2, 3], наблюдения которых сводятся к следующему. Первый этап утверждения писателя в литературном поле (1797–1807 гг.) представлял собой попытку опереться на ресурсы двух систем литературной коммуникации – дружеских сообществ и профессиональных отношений. С одной стороны, уже в Московском благородном пансионе и смежном с ним Дружеском литературном обществе Жуковский оказался в насыщенной кружковой среде, пределы которой расширились в начале 1800-х гг. благодаря вхождению в орбиту контактов Н.М. Карамзина и И.И. Дмитриева, а с ними и большинства московских литераторов; с другой стороны, необходимость заработка подвигала к профессиональной литературной деятельности – переводческой. Тем самым первоначальная лите-

ратурная репутация Жуковского складывалась прежде всего в непубличной кружковой среде, родственно-дружеской, а pragматическим проявлением ее служила востребованность переводов у издателей (И.Е. Зеленникова, П.П. Бекетова, И.Ф. Керцелли).

В художественном плане быстрое признание было обусловлено ориентацией юного поэта на авторитетный карамзинский канон как в прозаических миниатюрах, так и в стихотворных опытах. Важным эпизодом, подчеркнувшим символическое признание, стала публикация «Сельского кладбища» в декабрьском номере «Вестника Европы» за 1802 г. Надежды друзей и литературных покровителей не пропали втуне – период «молчаливого» «белевского уединения» закончился в 1806 г. художественным прорывом, когда из-под пера Жуковского вышло несколько десятков новых лирических произведений разных жанров. В художественном плане они продемонстрировали полноту овладения автором жанровой палитрой карамзинизма и превращение его в регулярного участника литературной жизни. Особое читательское внимание привлекла публикация «Песни барда над гробом славян-победителей».

«Цеховой» характер признания молодого Жуковского (круг издателей и литераторов, в основном, московских) обусловил крайнюю немногочисленность публичных отзывов о его творениях. До 1808 г. их только два. Первый появился на волне интереса к автору недавно опубликованного «Сельского кладбища». П.И. Макаров, воспользовавшись выходом второй книжки альманаха «Утренняя заря», где в том числе были помещены поэтические и прозаические опыты Жуковского, не преминул в своей рецензии заметить и ободрить начинающих литераторов (вкупе с И.А. Петиным): «Друзья отечественной литературы порадуются таланту молодых наших писателей – таланту, ожидающему единственно зрелости и тех идей, которые приобретаются не иначе, как долговременным наблюдением света» [4. С. 180–181]. И далее критик привел текст прозаической миниатюры Жуковского «Мысли на кладбище» [4. С. 181–183].

Вторая из ныне известных рецензий на произведения молодого автора была написана М.Т. Каченовским и касалась изданного в конце 1806 г. перевода романа «Дон Кихот» [5]. Пользуясь репутационным успехом героя после серии поэтических публикаций и особенно после

выхода в свет «Песни барда над гробом славян-победителей», критик убеждал читателей в декабрьском номере «Вестника Европы»:

Г. Жуковский оказал приятнейшее одолжение любителям отечественной словесности, предложив им такую книгу, которая переведена и беспрестанно переводится на все языки и которую уже более двухсот лет люди всякого звания читают с великим удовольствием. <...> Читатели увидят это из следующего разговора между Дон Кишотом и ламанхским дворянином; увидят также, к какому классу переводчиков надлежит причислять г-на Жуковского [6. С. 286, 288].

Развивая успех 1806–1807 гг., отмеченный в том числе первыми журнальными рецензиями, Жуковский решил выступить издателем «Вестника Европы». В 1808–1811 гг. сложилась основа его литературной репутации, определенная принятием публикой и критиками жанровых составляющих журнала – беллетристики, поэзии и критики. Благодаря его переводческим усилиям читатели могли ознакомиться с качественной европейской беллетристикой малых форматов и оценить уровень переводов, а также оригинальной прозы («Марьина роща», «Три сестры» и др.). Критические материалы редактору также удавались, причем разных жанров – обзор новой книги, рецензия на пьесу и спектакль (в «Московских записках»), статья по эстетике, исторический жанровый обзор – и эти образцы Жуковский впоследствии будет переиздавать в подборках своей прозы. Наконец, в 1808–1811 гг. поэт пишет каждый год более чем по десятку новых стихотворений разных жаров. Почти все они быстро оказываются на страницах «Вестника Европы», предлагая читателю все новые версии жанров карамзинского канона – романса, песни, любовного и дружеского послания, пейзажной лирики, элегии на смерть, эпитафии и, конечно, баллады. Таким образом, авторская репутация Жуковского в ходе редактирования журнала приобрела подлинную объемность, что подчеркнул успех подготовленной им пятитомной антологии «Собрание русских стихотворений» (опубликована в 1810–1811 гг.).

Статус поэта как заметной фигуры на литературном Олимпе выразительно подчеркнула оценка анонимного сотрудника журнала «Улей». В своей статье «Что желательно в пользу российского языка», опубликованной в январе 1811 г., тот приветствовал появление

ние новых хрестоматий с выборкой образцовых «цветов отечественной словесности», способствующих совершенствованию языка (типичное положение карамзинистской литературной программы), а попутно выделял Жуковского: «Г. Жуковский своими трудами в сем роде, отчасти уже известными, делает величайшую услугу. Поприще велико, но силы подвижника уже испытаны» [7. С. 13].

При популярности у читателей как самого журнала, так и произведений его редактора в публичных критических оценках это отразилось мало и случайным образом. Из заметных эпизодов можно указать на разгоревшуюся по поводу «Марьиной рощи» небольшую полемику, продемонстрировавшую повышенное внимание к повести, и в дальнейшем нередко вспоминавшейся (и даже переделанной А.И. Мещевским в поэму) и ставшей знаковой для репутации Жуковского как зачинателя новой романтической прозы. Критику, впрочем, не заинтересовали художественные новации произведения. В журнале «Аглая» П.И. Шаликов опубликовал «Письмо любезному издателю “Вестника Европы”», где похвалил своего адресата («Но грации с удовольствием читают журнал ваш; а ученые, а политики – что и говорить! Как журналист завидую – но самым дозволительным образом – участи “Вестника Европы”; как добрый приятель желаю любезному его издателю еще лучшей, еще блестательнейшей во всех трудах кабинета – и жизни!» [8. С. 29]), однако указал на пару бытовых несообразностей в сюжете повести. Жуковский, правда спустя время, откликнулся статьей «Благодарность любезному издателю “Аглаи”», в которой, рассыпавшись в похвалах и П.И. Шаликову, и самой форме комплиментарной критики, разъяснил несообразности с веретеном и лентами [9. С. 492–494].

А далее на обмен любезностями неожиданно откликнулся петербургский журнал «Цветник», в зачине статьи которого, посвященной совсем другой теме, неизвестный сотрудник не преминул поиронизировать над слававостью подобных «полемик»:

Прочитав в «Аглае» письмо, заключающее *мануфактурное замечание сельских барынь*¹ об ошибке автора «Марьиной рощи», я ждал с большим

¹ Здесь и далее все выделения курсивом принадлежат авторам цитируемых текстов.

нетерпением ответа издателя «Вестника Европы»: мне хотелось видеть войну двух издателей *журналов, читаемых во всей империи* и войну о *вертепене*. Долго ожидание мое было тщетно, и я наконец не знал уже, чему приписать бездействие оскорбленного. <...> Наконец оно прервано и вместо мщения мы увидели благодарность, сияющую во всем своем блеске. Признаюсь, нельзя без трогательного чувства, без умиления видеть тонкую осторожность, нежные укоризны, с одной стороны, с другой – признательность и великодушие! Эпитет *любезного*, столь приличный обоим издателям, находится при каждом обращении одного к другому [10. С. 391–393].

Второй примечательный эпизод литературно-критического свойства не приобрел публичности и касался готовящейся Жуковским к печати антологии «Собрание русских стихотворений». Ее составление и публикация пришлись на годы постепенной консолидации круга младокарамзинистов и усиления их полемики с оппонентами, а выход в свет трех заключительных томов в 1811 г. вообще совпал с основанием «Беседы любителей русского слова». Невозможность уложить материал антологии в единый художественный канон очень раздражала представителей всех литературных «партий», задававшихся вопросом о принципе отбора Жуковским авторов и их произведений. Свести воедино ряд таких претензий попытался П.А. Вяземский. Его «Запросы господину Василию Жуковскому от современников и потомков» в свое время остались домашним опусом, а при первой публикации оказались датированы 1809 г. Но, очевидно, они были составлены не ранее выхода в свет первых двух томов «Собрания», т.е. в 1810 или в начале 1811 г. Среди прочих здесь звучали такие «запросы»:

Зачем не напечатали вы прекрасного перевода Мерзлякова Тиртеевых од, а напечатали его песню... Зачем не удостоили вы своим благоволением прекраснейшие стихи Магницкого на смерть Валериана Зубова, и оду Державина, писанную к нему же после возвращения из Персии, а напротив, зачем удостоили вы какую-то «Феодицею», в которой нет ничего, кроме бомбаста, стоять в числе «Русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев»? ...Чем прогневились перед вами «Дарования», ода Карамзина, и «Фантазия», ода Востокова? ...отчего в одном первом томе находим мы четырнадцать пьес Капниста, а только четыре Дмитриева? [11. С. 1–9].

Неизвестно, удовлетворил ли Жуковский любопытство молодого критика приватно, но никаких публичных комментариев по этому поводу он не сделал.

Три другие выявленные на сегодняшний день критические рецензии этого периода были специфичны. Поводом для первой стала благотворительная деятельность Жуковского, занявшая заметное место в «Вестнике Европы». В № 7 за 1808 г. он рассказал читателям о талантливом художнике Н.Ф. Алферове, которому не хватало средств для задуманного путешествия по Греции, и просил издателя журнала «Русский вестник» С.Н. Глинку выступить посредником в доставлении ему денег [9. С. 497–499]. Последний вскоре публично поблагодарил Жуковского и обещал исполнить просьбу:

Почтенный издатель «Вестника Европы» давно уже сам знаком с любителями русской словесности; и, известя прежде всех о молодом нашем художнике, он получил священное право быть посредником между им и благотворительностью соотечественников наших... Впрочем, лестный обо мне отзыв приемлю с благодарностью и почту за счастье вместе с ним украшать листы «Вестника» моего именами людей великолепных [12. С. 115].

Еще одна критическая рецензия была порождена оскорблением авторским самолюбием. Г.В. Гераков, преподаватель и чиновник, автор многих ультрапатриотических сочинений, отправил в 1808 г. свои «исторические отрывки» Жуковскому, но ответа не получил, о чем спустя два года и сообщил читателям в своей новой книжечке под названием «Российские исторические отрывки», писанные Гавриилом Гераковым, издателем “Твердости духа русских”, не помещенные господином Жуковским в свой журнал “Вестник Европы” 1808 года, с прибавлением и того, что не помещено 1805 года в “Вестник же Европы” господином Каченовским” [13]. Комментируя досаду незадачливого писателя в рецензии на его брошюру, анонимный критик журнала «Цветник» выразил, однако, полное согласие с Жуковским:

Сочинитель вправе негодовать на издателей «Вестника Европы» за то, что они не приняли исторических его отрывков и даже вместо благодарности *предали его забвению* (стр. 14). Должно предполагать, что любители словесности с большим удовольствием стали бы читать анекдоты, в которых встречаются непростительные ошибки против вкуса и грамматики [14. С. 383].

Таким образом, 1797–1811 гг. стали лишь началом и авторской карьеры, и ее отражения в критике. Со вторжением наполеоновских войск завязался новый и этапный для Жуковского репутационный узел: самый яркий молодой поэт поколения волею судьбы и своей волею оказался рядовым ополченцем, прошедшим с русским войском от Бородино до Вильно, а скромный деятель походной типографии, став непосредственным свидетелем исторических событий, претворил их в лирические документы высочайшего уровня («Певец во стане русских воинов», «Вождю победителей»). Энергия, заключенная в этой ситуации и заряжающая эти тексты, не могла остаться втуне – и уже в начале 1813 г. решительно изменила траекторию литературной карьеры Жуковского [3].

Поворотным ее моментом явился успех «Певца во стане русских воинов», соединившего приметы высоких одилических жанров, соответствовавших эстетическим предпочтениям массового читателя, со столь же популярной элегической стилистикой карамзинизма. Это позволило, с одной стороны, консолидировать вокруг Жуковского круг младокарамзинистов, результатом чего стало впоследствии рождение общества «Арзамас», а с другой – найти поддержку в придворной среде, с 1813 г. начавшей опекать молодого поэта. В короткий срок он прошел путь от милостивого внимания императрицы Марии Федоровны до высочайших рескриптов 1815 и 1816 гг., назначения пенсии и приглашения на должность сначала придворного чтеца, а затем учителя великой княгини Александры Федоровны.

В художественном плане союз поэзии и власти породил феномен визионерской лирики, наделявшей произведения разных жанров – послания (начиная с «Императору Александру»), песни, идиллии, баллады, пейзажные элегии, альбомные стихотворения – идеологическим или историософским подтекстом. Это, в свою очередь, способствовало проникновению литературного начала в жизнь двора – прежде всего в плане его оформления как кружкового сообщества со своими семейными ритуалами, эзотерической дружеской семантикой, коллективным творчеством. Благодаря усилиям Жуковского двор превращался в среду «немногих», где литературная и аристократическая элитарность сливались друг с другом.

Между тем «Певец во стане русских воинов», несмотря на восторженное приятие публикой, не удостоился ни одного развернутого

критического обзора. До брошюры М.А. Бестужева-Рюмина «Рассуждение о “Певце в стане русских воинов”», опубликованной в 1822 г. [15], это произведение лишь упоминалось – но упоминалось неизменно как талантливое воспевание воинской славы отечества и «первое из стихотворений на происшествия 1812 года» [16. С. 149]. Произведение настолько глубоко определило репутацию автора, что он получил дополнительное эвфемистическое имя Певца или Певца во стане русских воинов. Одним из первых так публично назвал поэта Ф.Н. Глинка, печатая в «Русском вестнике» 1814 г. свои «Письма русского офицера». В письме от 18 декабря 1812 г. он рассказывал о посещении в Вильне больного Жуковского и сетовал: «Я два раза навещал одного <из> излюбленнейших поэтов наших, почтенного В.А. Жуковского. <...> Как грустно видеть страдания того, кто был таким прелестным певцом во стане русских и кто дарил нас такими прекрасными балладами!» [17. С. 11–12].

«Певец во стане» срорся со своей эпохой и вместе с ней быстро отодвинулся в прошлое, превратившись в своеобразный памятник, достойный восхищения и подражания, но не разборов и анализа. Критика встала перед необходимостью объяснения нового явления только в тот момент, когда Жуковский создал целый ряд произведений визионерского характера – «Императору Александру» (опубликовано в начале 1815 г.), «Певец в Кремле» (опубликовано в начале 1817 г.), «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича» (опубликовано в мае 1818 г.), «Молитва русского народа» («Боже, царя храни!», опубликовано в декабре 1818 г.). Их своеобразие определялось не столько прямым обращением поэта к венценосным адресатам или божеству – такие приемы можно было встретить и в оде, сколько апелляцией к трансцендентному смыслу событий, причем в духе романтической мистики.

Жуковский очень запоздал с поэтической реакцией на заграничные походы, взятие Парижа, восстановление на троне Бурбонов, однако его реплика в хоре певцов императора Александра оказалась настолько весомой, что моментально была объявлена шедевром. Свою роль здесь, конечно, сыграло одобрение царственного адресата, но критики ощущали и новую природу послания. Авторы статей в «Русском инвалиде» [18], «Сыне отечества» [19], «Современном

наблюдателе российской словесности» [20. С. 145], «Российском музеуме» [21] по мере возможностей пытались объяснить производимое им впечатление, не укладывающееся ни в старые одицкие каноны, ни в стилистику карамзинизма.

Самым развернутым был отзыв В.В. Измайлова в «Российском музеуме», где обильно публиковались и другие стихи Жуковского. Перечислив удостоившиеся внимания публики произведения поэта («Сельское кладбище», «Певец во стане русских воинов», баллады, послания), критик попробовал определить достоинства нового опыта инструментарием карамзинистской эстетики – мысли, слог, язык, вкус, красоты:

Последнее <послание> к императору Александру принесло новое достоинство нашему поэту. Общее мнение согласно в том, что оно отличается высокими мыслями, слогом везде *пищическим*, языком равно гармоническим и правильным, вкусом, почти всегда верным правилам искусства; что превосходные красоты, рассеянные в сем творении, далеко превышают пороки и недостатки, неразлучные с произведениями человеческого разума, и что сия последняя вернейшая мера для оценки талантов включает г. Жуковского в список наших лучших поэтов, а его сочинение в число нашего богатого капитала в поэзии [21. С. 202–203].

В том же духе стилистической критики В.В. Измайлов дал несколько советов, как можно исправить пару стихов, сделав их более ровными по языку и точными по смыслу, однако главное его внимание привлекли как раз те фрагменты послания, где на первом плане были визионерские образы и апелляции к трансцендентному плану событий:

Представляя восшествие царя на престол в эпоху политических бурь, он выражает в сих стихах крепость души его:

Нет! выше бурь венца ты ею возносился,
Очами твердыми сей ужас проницал
И в сердце Промысла судьбу свою читал.

Потрясение царств и народов есть великая тайна Промысла, ведущего нас к отдаленной, но известной цели своей, и эта мысль так оживотворена стихотворцем... [21. С. 206].

Романтическая поэтика Жуковского ощутимо выходила за пределы привычных жанровых форм и стилистики, и авторы критиче-

ских заметок 1815–1819 гг. пытались эмпирически, иногда просто через подбор подходящих выписок, как поступил В.В. Измайлов, нашупать ее главные особенности [22].

Так же, например, действовал спустя два года и анонимный автор рецензии на «Певца в Кремле» в «Сыне отечества». Вспомнив о пре-тексте стихотворения – «Певце во стане русских воинов» – и эпохе его создания («И самая необыкновенная форма сего стихотворения сообразна с необычайными происшествиями и обстоятельствами того времени, и чувствами, которые от того рождались в душе каждого россиянина!»), он сосредоточил внимание на трансцендентном смысле нового визионерского опуса:

Русское воинство, совершив бессмертный поход к столице врагов и отомстив ей, по велению великого государя своего, за зло добром, за опустошение сохранением, за смерть и ужас дарованием новой жизни и спокойствия, возвратилось на родину и почило от трудов своих. Певец восходит на священные стены *Кремля*, и возглашает песнь благодарения Всевышнему Промыслу за освобождение и возвеличение любезного отечества. ... В нынешней песни его господствует... восторг умиления и признательности к Промыслу, восторг тихий, спокойный, благоговейный. В ней все мысли и изображения имеют *одну* цель: представить чувства благодарности счастливых спокойствием и славою россиян к великому государю, предводившему народами в сии незабвенные годы, и изъявить пред престолом Высшего Судии то – чего никакой язык человеческий достойно выразить не может! [23. С. 70].

Оставшаяся часть довольно большой рецензии представляла собой, как и у В.В. Измайлова, выписку из «Певца в Кремле», призванную показать, как Жуковский создает новый поэтический стиль для выражения того, «чего никакой язык человеческий достойно выразить не может».

Подобный устойчивый ракурс, в котором представляли в критике наиболее идеологически акцентированные и одобренные двором стихотворения, поддерживал общий контекст, позволявший публике интерпретировать даже вполне официозные короткие заметки о новых произведениях автора на события придворной жизни или о новых зна-

ках высочайшей милости к нему как акты особой природы – как фрагменты дискурса, связывавшего поэта, власть и Провидение¹. Например, рецензии на «Певца в Кремле» в «Сыне отечества» (№ 2) предшествовало (в № 1) сообщение о всемилостивейшем пожаловании Жуковскому ежегодной пенсии и бриллиантового перстня:

Любимый и уважаемый всею просвещеною публикою нашею писатель *Василий Андреевич Жуковский* удостоился на сих днях получить знаки особенной монаршой милости. Государь император, обращая внимание на отличные сочинения, которыми он украсил русскую словесность и из коих многие посвящены славе воинства российского, в изъявление высочайшего своего благоволения и для обеспечения впредь состояния его всемилостивейше соизволил назначить ему четыре тысячи рублей ежегодного пенсиона и в то же время пожаловал ему драгоценный брильянтовый перстень с своим вензелем. Мы уверены, что все любители сочинений *Жуковского* (и кто не любит их?) разделят с нами удовольствие, которое мы ощутили, узнав, каким отличным образом великий и правосудный монарх наградил таланты и труды, посвященные славе отечества и распространению между соотечественниками любви к истине и добродетели, которую дышат все творения сего любезного стихотворца! [24].

Учитывая, что такие сообщения кочевали из одного издания в другое², для читателя они образовывали единое семантическое поле, позволявшее легко достраивать предполагаемые смыслы новых опусов.

¹ В критических публикациях о Жуковском 1814–1819 гг. слова Провидение и Промысел – одни из самых частотных (16 упоминаний, не считая синонимов и эвфемизмов).

² Ср., например, сообщение в журнале «Отечественный памятник»:

Знаменитому российскому писателю г. Жуковскому всемилостивейше пожалован бриллиантовый перстень с вензловым именем *Его Императорского Величества*. Об нем же состоялся следующий высочайший указ от 30-го декабря на имя г. министра финансов.

«Взирая со вниманием на труды и дарования известного писателя штабс-капитана Василья *Жуковского*, обогатившего нашу словесность отличными произведениями, из коих многие посвящены славе российского оружия, повелеваю, как в ознаменование *Моего* к нему благоволения, так и для доставления нужной при его занятиях независимости состояния производить ему в пенсион по четыре тысячи рублей в год из сумм Государственного Казначейства.

АЛЕКСАНДР

Например, публикацию в декабре 1818 г. «Молитвы русского народа» («Боже, царя храни!») сопровождала в «Северной почте» лишь сухая преамбула, не мешавшая, однако, почувствовать сакральный пафос произведения:

Государь император возвратился к нам из заграничного путешествия в во-жделенном здравии, прибыв в минувшее воскресенье, 22 декабря, в две-надцатом часу ввечеру в Царское Село. Мы сообщаем здесь прекрасный гимн сочинения В.А. Жуковского, петый в Санкт-Петербургской гимна-зии сего декабря 21 числа при публичном экзамене на голос «God save the King» [26].

В орбиту сакрализующего дискурса, где героями выступали поэт и императорская фамилия, попадала и сфера литературного быта. Показательно здесь, например, что авторские мини-альманахи «Für Wenige. Для немногих», печатавшиеся в первой половине 1818 г. ма-леньким тиражом и распространявшиеся Жуковским в придворной среде, пересекали ее границу и становились предметом обсуждения не только в кругу коллег-стихотворцев, но и в критических заметках, например, «Сына отечества»:

Под сим заглавием печатаются отборные немецкие романсы и баллады с переводом Жуковского. Явление приятное! К сожалению, сказывают, что собрание сие печатается действительно для немногих, т.е. в небольшом числе экземпляров для приятелей поэта. Мы в состоянии с ним поспорить и готовы утверждать, что если он хотел писать для тех, которые любят и его, и талант его, то правильнее было бы сказать в заглавии: для многих. В числе сих многих есть читатели «Сына отечества»: для них выписали мы перевод прекрасной Шиллеровой баллады «Ritter Toggenburg» [27].

Само обозначение «для немногих» тоже стало знаковым для репу-тации Жуковского и привнесло в него сложную семантику избранно-сти (придворной, аристократической, эстетической) вкупе с теснотой

Да будет прославлен в отдаленных концах вселенной величайший из монар-хов, ободряющий таланты и покровительствующий трудам почтенных сочините-лей! [25].

дружеского круга¹. Вместе с поэтом его *немногие* читатели-собеседники не просто наслаждались или забавлялись стихами, но совершили трансцендентное путешествие, выходили за пределы обыденной реальности. Именно этот эффект обращал на себя внимание наиболее проницательных критиков и объединял в преемственное целое разрозненные заметки 1815–1819 гг. о новых произведениях или сборниках Жуковского. В балладах, о которых мы еще будем ниже говорить отдельно, в цикле «Двенадцать спящих дев», в замысле поэмы из русской истории, в начале переводе «Орлеанской девы» Шиллера, в собрании стихотворных сочинений 1816 и 1818 гг., в сборнике переводов и «Опытов в прозе» (1816 и 1818 гг.), в гекзаметрических идyllиях авторы рецензий усматривали две черты, органично сочетавшиеся, но направленные к разным полюсам: живописность изображения – и повышенную символичность, даже эмблематичность.

Так, Р.Т. Гонорский уже в 1816 г. в статье «Нечто о нашей живописной прозе и о нынешнем состоянии русской словесности» объявил Жуковского мастером изобразительности: «В нынешнее время и Вольтер..., конечно, примирился бы с русским языком, – когда б ему прочитали какой-нибудь гармонический отрывок прозы Карамзина и лучшую пьеску, например “Элизиум” или “Мою богиню” Жуковского» [29. С. 382]. В рецензии на «Двенадцать спящих дев» анонимный критик «Сына отечества» также назвал «картинность» главным свойством его поэзии:

Главнейшее достоинство баллад или повестей г. Жуковского, так как и всех почти его стихотворений, состоит в легкой, свободной версификации и в описательной или картинной поэзии. Он удивительно владеет языком, столь упорным против большей части наших стихотворцев, и чрезвычайно живо изображает описываемые им в стихах предметы, особенно величественные и ужасные [30. С. 231].

К нему присоединился и некто Р.Л. из «Украинского вестника»: «”Вадим” – искупитель дев – без сомнения, будет восхищать не менее

¹ Ср. замечание из позднейшего обзора того же «Сына отечества»: «...издание, выходящее не в определенные времена, под заглавием “Для немногих”. Знаменитый поэт Жуковский, преподающий правила российского языка ее высочеству великой княгине Александре Федоровне, издает оный, помещая в нем одни переводы в стихах лучших иностранных авторов. Сей журнал назначен преимущественно для употребления августейшей ученицы г. Жуковского» [28. С. 134].

самых “Спящих дев”: те же очаровательные картины, тот же легкий, прелестный рассказ, то же пламенное воображение» [31. С. 246].

Но, пожалуй, подлинным венцом пластиности – и при этом легко ощутимой символичности явились гекзаметрические идиллии Жуковского конца 1810-х гг. Публикацию наиболее знаменитой из них – «Овсяного киселя», перевода из И.П. Гебеля, как и другие, – в «Трудах Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете» редакторы снабдили предисловием, в котором попытались объяснить, как простота и реалистичность соединяются в ней с трансцендентной устремленностью:

На сцене те же лица. Крестьянка-старушка, приготовив для своих внучат овсяной кисель, рассказывает им историю овсяного зернышка. Предмет, по-видимому, мелкий; но автор соединил с ним мысли высокие. Говоря о простой былинке, он возбуждает в душе читателя прекрасные мысли о Провидении. Все оживлено в его картине. Каждое растение имеет своего ангела; жребий невидимого зародыша также занимает всеобъемлющую любовь Создателя, как и блестательный жребий планеты. И тленная былинка неприметно становится эмблемою человеческой жизни: нет витиеватого умствования, ибо здесь говорит поселянка, говорит детям, и языком ей приличным; но есть живое, сильное, всеоживляющее чувство [32. С. 62].

В результате во второй половине 1810-х гг. в критике закрепился устойчивый взгляд на поэзию (и частично прозу) Жуковского как на феномен мистический, спиритуальный, возвышенный [33. С. 29–162]. Ближайшим аналогом его стиля и поэтики уже в 1816 г. была объявлена поэзия Шиллера с ее идеальностью и «высшей мечтательностью»:

Он <Жуковский> поистине принадлежит к числу счастливейших любимцев муз; к немногому числу тех, кои никогда не забывали достоинства и цели священного дара песней! Безусловное возвышение над сферою всего обыкновенного, неослабный полет ко всему изящному и благородному и некоторая *высшая* мечтательность – составляют характеристику его стихотворений. Мы находим в духе его некоторое *сродство* с духом Шиллера (благороднейшего из стихотворцев нашего времени) и вообще имеем причину думать, что изучение немецких поэтов много содействовало развитию сего отечественного гения [34. С. 4].

Для друзей поэта эти клише, начиная с 1817 г., стали еще и предметом иронической игры, как, например, в переписке А.И. Тургенева с П.А. Вяземским. Последний, например, утверждал 1 мая 1819 г.: «*C'est le poète de la passion*, то есть, страдания. Он <Жуковский> бренчит на распятии: лавровый венец его – венец терновый, и читателя своего не привязывает он к себе, а точно прибивает гвоздями, вколачивающимися в душу» [35. С. 227].

Между тем в рецептивном плане подобная поэзия порождала существенные трудности, поскольку плохо вписывалась в жанровую систему и стилистику сразу двух литературных направлений, с которыми исследователи русской критики по установившейся с Ю.Н. Тынянова традиции ассоциируют основные баталии 1810-х гг. Спор карамзинистов и шишковистов с их языковыми и стилевыми программами в этой системе координат продолжился противостоянием «Арзамаса» и «Беседы любителей русского слова». Однако если мы внимательнее присмотримся к предметам главных полемик эпохи, то они первоначально завязались вокруг баллады, а затем в их орбиту были втянуты современные судьбы элегии и оды вкупе с пересмотром приоритетов французских и немецких влияний. Причем собственно представители «Беседы», как, впрочем, и старшие карамзинисты, в критических баталиях не участвовали, предоставив это право младшим карамзинистам (консолидированным вокруг «Арзамаса») и младшим архаистам (действовавшим по отдельности).

Если реконструировать рецептивный контекст, то можно констатировать, что к середине 1810-х гг. жанрово-стилевая система позднего классицизма, испытавшая значительное влияние преромантических (или раннеромантических) веяний, в читательском восприятии составляла мейнстрим и ассоциировалась с высокой литературной традицией. Карамзинизм и его программа также обнаружили к этому времени и плодотворность, и востребованность, став вполне легитимной частью литературного поля в области «средних» жанров и «срединного» уровня стилистики (с ориентацией на разговорный светский язык). Помимо привычности для читателя оба направления демонстрировали еще и тесную связь с французской традицией, пусть и активно критиковавшейся архаистами в пору наполеоновских войн.

Поэзия Жуковского, в первую очередь его баллады, нарушили каноны и позднего классицизма, и сентиментализма. Именно они и

стали предметом главных нападок в переломной для литературного процесса пародии А.А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815). Чувствительный поэт Фиалкин мог бы восприниматься как вполне условная фигура – гипертрофированную слезливость активно осмеивали как последователи Шишкова, так и почитатели Карамзина – но его опознавательным знаком стала баллада, причем на античную тему:

БАЛЛАДА

Пел бессмертный славну Трою,
Пел родных Приама чад,
Пел Ахилла, жадна к бою,
Пел Элены милый взгляд [36. С. 164].

Помимо того, что это напрямую ассоциировалось с Жуковским, чья «Людмила» (1808), а затем «Светлана» (1813) стали необыкновенно популярными, а «Кассандра» (1809) и «Ахилл» (1814) создали новую модификацию античной баллады, за парадиуремым жанром стоял контекст и немецких влияний (Г.А. Бюргер, И.К.Ф. фон Шиллер), и набирающего силу неоклассицизма, проникнутого идеями И.И. Винкельмана и И.Г. Гёте. Однако баллада с ее мертвцами и мистикой, соединением высокого и ужасного, с повышенной метафоричностью и стилевыми котрастами не вписывалась ни в «высокий» (шишковисты), ни в «средний» (карамзинисты) литературный «регисты», создавая свою эстетику¹. И тем не менее к середине 1810-х гг. пионер этого жанра, сумевший в начале своей карьеры опереться на карамзинскую традицию, а потом привить к ней высокую стилистику, одобряемую архаистами, стал не просто популярным поэтом, но подлинным лидером современной словесности. О его деятельности как главы «Арзамаса» знали, конечно, только друзья Жуковского и ближайший к ним круг, однако газеты и журналы помимо публикаций собственно трудов поэта регулярно сообщали читателям и о выходе в свет каждого крупного его произведения [16, 18–21, 23, 26–28, 30–32, 38–41; 42. С. 8; 43–46], и о начале продаж первого и второго собрания

¹ Как заключила М.Н. Виролайнен, оценивая литературную программу «Арзамаса» и молодых последователей Карамзина в целом, «...арзамасцы оказались карамзинистами, разрушившими центральные принципы карамзинской программы» [37].

сочинений [34, 47–50] (и сопровождавших их сборниках прозы [51–53]), и об участии в составлении коллективных антологий («Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах / в прозе» [54, 55]), а главное – о все новых знаках признания, о получении придворных должностей и пенсиона, о милостивых рескриптах [24, 25, 56, 57], о принятии в члены статусных литературных обществ – Общества любителей российской словесности при Московском университете (1816) [58, 59], Императорской Российской академии (1818) [60–63]. Это не просто подтверждало исключительное место Жуковского на литературном Олимпе, но и легитимировало в глазах читателя его эстетику и жанровую систему.

Столь быстрый переворот вкусов породил, однако, встречную реакцию в виде публичного неодобрения отдельных жанров и стиховых форм. Персональные выступления с критикой Жуковского, впрочем, были единичными. Чаще же это превращалось в обсуждение критиками комплекса вопросов о специфике новых образцов баллады, идиллии, «визионерской» лирики, об источниках литературных влияний (французская или немецкая ориентация), о соотношении национального и заимствованного, в том числе о месте античных элементов (гекзаметр, переводы древних авторов).

Первый из этих споров разгорелся в тот момент, когда, казалось бы, в общем мнении утвердилось одобрительное отношение к балладе. Успех «Людмилы», «Громобоя», «Светланы» был несомненным, читатели ждали новых опытов Жуковского. Более того, баллада в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах» оказалась включена в число пресловутых «образцов», что подтверждало и журнальные сообщения («“Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах” состоять будет из шести частей, из коих в I и II будет поэзия лирическая: оды, песни и романсы; в III **баллады**, сказки, басни, в IV послания, сатиры, идиллии, эклоги; в V и VI смесь» [55. С. 104]). Вскоре выяснилось, что в балладе заложен не только новеллистический, но и эпический потенциал, способный развернуться в большую нарративно-стихотворную конструкцию – конкурент старой эпической поэме. Так, сам Жуковский вместо поэмы о Владимире одарил читателя в 1817 г. балладным циклом на древнерусский сюжет «Двенадцать спящих дев», а молодой Пушкин к 1820 г. создал на балладной основе поэму «Руслан и Людмила».

Прозвучавшие на этом фоне критические реплики Н.И. Гнедича и А.С. Грибоедова в 1816 г. и А.Ф. Мерзлякова в 1818 г. были необычными. Например, выход в свет «Двенадцати спящих дев» был отмечен только положительными отзывами:

Г. Жуковский попытался ввести в русскую литературу этот род *народной эпопеи*: самый блестящий успех увенчал его усилия. Даже по согласию его недоброжелателей, все его баллады блещут красотами высшего порядка и наиболее замечательны те, сюжеты которых принадлежат ему. И если когда-нибудь в России появится новый Ариост, он сможет использовать и слишком короткий рассказ Нестора, и все народные легенды, которые связаны с именем Владимира [39. С. 325].

Спешу обрадовать вас и всех читателей «Украинского вестника» приятным известием. Все с восхищением читали прекрасную балладу г. Жуковского «Двенадцать спящих дев»; все желали с нетерпением видеть окончание оной; наконец любимый наш поэт исполнил желание своих друзей и читателей [31. С. 246].

Успех баллад Жуковского, впрочем, мог восприниматься до поры до времени как единичное и уникальное явление, тесно связанное в рецептивном плане еще и с поэтикой его визионерской политической лирики (оссианические тени и духи из «Людмилы» появляются и в «Певце в Кремле»). Это позволяло относиться к его опытам «извинительно», оправдывая высокой поэтичностью странность и даже отвратительность предмета:

Надобно рассыпать такие богатые и живые краски в картинах, наполнить таким волшебным очарованием стихи, каким они наполнены, например, в балладе «Двенадцать спящих дев», когда хотят, чтоб подобные баллады могли нравиться. «Но если сей род найдет подражателей, которые, не имея превосходных талантов своего образца, станут также писать об одних мертвцах и привидениях – тогда словесность наша...» (Н.И. Гнедич) [64. С. 5].

Проблемой подобная поэтика стала только тогда, когда начали появляться первые оригинальные модификации жанра в виде серии П.А. Катенина 1815–1816 гг. («Наташа», «Убийца», «Леший», «Ольга»). Н.И. Гнедич в своей рецензии обратил упреки к «Ольге». В ответ А.С. Грибоедов переадресовал их первоисточнику – «Людмиле» Жуковского [65]. А.Ф. Мерзляков обобщил претензии и выдвинул

нул обвинение самому жанру баллады. Оно не было четко артикулировано по сути и склонялось, с одной стороны, к критике отвратительного предмета – мертвецы, убийства, привидения, а с другой – к осуждению своееволия, отсутствия какого-либо канона:

Скажите, м^илостивые г^осудари, баллада имеет ли какие-нибудь для себя правила, так как всякой другой род, получивший право гражданства в кругу литературы? Мы знаем пределы для оды, для поэмы, для трагедии и для элегии и даже для баллады, некогда бывшей или такой, как нам показала ее Италия, а потом Испания и Португалия, после французы и, наконец, у нас некоторые из осторожнейших писателей. Теперь бог знает что: ни вероятия в содержании, ни начала, ни конца, ни цели, ни худой, ни доброй: все достоинство в слоге. Слог хороши; но что остается у меня в голове или сердце? [66. С. 66].

Историки русской романтической баллады (Р.В. Иезуитова, В.Э. Вацуро, В.И. Федоров, В.М. Маркович и др.) обоснованно связали эти претензии с проблемой легитимации фантастического, чудесного компонента литературы и в целом романтического типа художественного сознания, предполагающего свободу воображения, «обращение в сферу исключительного, таинственного, стихийного – всего того, что знаменует собою отход от привычных и устоявшихся форм жизни и норм поведения» [67. С. 156]. В отличие от обращения к чудесному в оде и эпопее или в «чувствительной» балладе (Н.М. Карамзин, Г.П. Каменев) Жуковский (и его последователи, как П.А. Катенин) не стремился сохранить элементы жизнеподобия, а создавал автономный художественный мир со своими законами поведения героев, специфической образностью и стилистикой. Его нужно было принять целиком – и тогда рождался эмоциональный отклик, при ином подходе текст просто не работал. Но этот принцип касался и всей художественной системы Жуковского в целом, недаром балладный антураж определил эстетику «Арзамаса» и оказался спроецирован и на другую литературную продукцию как главы общества, так и его участников.

Трудность согласования подобной эстетики с законами «здравого смысла» и «вкуса», лежащими в основе карамзинизма, определила суть претензий Н.И. Гнедича к катенинской «Ольге», а А.С. Грибоедова к «Людмиле» Жуковского. В плане развития сюжета и поведения персонажей они обрушились на неправдоподобие деталей (адские

духи произносят проповеди, героини верят жениху, несмотря на очевидные указания на его инфернальность), но главное внимание уделили стилистическим ограждам (взаимно оспариваемым), «неудачным» выражениям, которые почему-либо выходили за границы разговорной / поэтической нормы («Слезный сон – сухой эпитет, *рано поутру* – сухая проза» [64. С. 11]; «турк», «песнями», «под звон колоколов», «котвесь от греха разум, непричастный слову», «наскакать на забор» и т.п.). Их разборы сыграли свою рецептивную роль и помогли читателю не только эмоционально принять новый жанр, но и освиться с его еще непривычной стилистикой. Знаменательно, что новые споры о балладе в первой половине 1820-х гг. уже не заострялись на правдоподобии сюжета, но придали еще большую значимость поэтической семантике, ее ровности и оправданности.

Рецензии Н.И. Гнедича и А.С. Грибоедова позволили наметить и еще один важный для критической репутации Жуковского контекст – его роль в смене эстетических приоритетов литературы и в национальной адаптации заимствованных жанрово-стилевых образцов. Последовательно сравнивая немецкий оригинал («Ленору» Г.А. Бюргера) и варианты его перевода в «Ольге» и «Людмиле», критики предельно наглядно показали, как поэты ищут эквиваленты и в чем их перевод насыщается национальными элементами:

«Людмилла» есть оригинальное русское прелестное стихотворение, для которого идея взята только из *Бюргера*. Стихотворец знал, что «Ленору», народную немецкую балладу, можно сделать для русских читателей приятно не иначе, как в одном только подражании. Но его подражание не в том состояло, чтоб вместо собственных немецких имен лиц и городов поставить имена русские. Краски поэзии, тон выражений и чувств, составляющие характер и дающие физиognомию лицам, обороты, особенно принадлежащие простому наречию и отличающие дух народного языка русского, – вот чем «Ленора» преображена в «Людмилу» [64. С. 7–8].

Для обоих критиков критерием удачности перевода выступала ограниченность в переложении на разговорный светский язык, и в этом они оставались в пределах карамзинистской программы – для их преемников в первой половине 1820-х гг. окажутся важны уже более национально специфичные элементы стиля. Между тем они уже

вполне отчетливо ощущали стилевое различие, стоявшее за обозначившейся конкуренцией жанров французского и немецкого происхождения. Так, А.Ф. Мерзляков в своем разборе противопоставил балладу, какую «нам показала ее Италия, а потом Испания и Португалия, после французы» [66. С. 66], и балладу образца Бюргера / Жуковского / Катенина. Его критика последней (первую он вполне одобрял как легитимный жанр и жанровую стилистику) в том числе выступала ответом на одобрительные отзывы о немецких влияниях: «Тот же “Conserv<ateur> Impartial” заставляет нас торжествовать и радоваться какому-то преобразованию духа нашей поэзии. Он поздравляет нас с тем, что мы исполнились духом германских поэтов и что сей дух нам родственный» [66. С. 68].

Здесь А.Ф. Мерзляков подразумевал первое крупное выступление В.К. Кюхельбекера, напечатанное в газете «Le Conservateur impartial» на французском языке и переопубликованное в журнале «Вестник Европы» в переводе на русский. Свой обзор современного состояния словесности он завершил констатацией, подчеркивавшей роль Жуковского в утверждении новых жанрово-стилевых приоритетов:

Жуковский не только переменяет внешнюю форму нашей поэзии, но даже дает ей совершенно другие свойства. Принявши образцами своими великих гениев, в недавние времена прославивших Германию, он дал (выразимся словами одного из наших молодых поэтов) германический дух русскому языку, ближайший к нашему национальному духу, как тот, свободному и независимому [68. С. 157].

Впрочем, если присмотреться к примерам, которые выдвигали А.Ф. Мерзляков и В.К. Кюхельбекер в качестве образцов, то они сближались общей ориентацией на античный опыт. В 1810-е гг. русская литература, осваивая категории историзма и национальной самобытности, в первую очередь, проецировала их на классическую древность, в первостепенной значимости которой сходилась французская нормативная эстетика Ж.Ф. Лагарпа и немецкая школа И.И. Винкельмана. И в подобном контексте художественные поиски Жуковского воспринимались как чрезвычайно показательные – будь то зондирование возможностей русской поэмы или эксперименты с русским гекзаметром. После успеха «Певца во стане русских воинов» именно на него возлагались основные надежды как на эпического поэта. Так,

С.С. Уваров в начале 1814 г. в своем известном ответе на письмо В.В. Капниста, касавшееся возможностей русского гекзаметра, предлагал Жуковскому готовую программу поэмы:

Я часто о сем предмете беседовал с моим приятелем г-м Жуковским, которого превосходный талант в поэзии довольно известен; я часто предлагал ему написать русскую поэму русским размером, предоставляя судить ему, какой метр между русскими способнее к продолжительному сочинению. Зачем, я говорил ему, не избрать эпоху древней нашей истории, которую можно назвать эпохой нашего рыцарства, в особенности эпоху, предшествовавшую введению христианской религии? Тут вы найдете в изобилии все машины, нужные к поэме. Что может быть для поэта обширнее наших походов на Царь-град? Что разнообразнее древнего нашего баснословия? С каким искусством предстоит вам соединить ее оригинальные северные формы с блестательными появлениеми Востока! Каким волшебным светом может поэт озарить берега Днепровские, стены Киева, Босфор и златые вершины Царя-града! В этой эпохе история сопутствует баснословием; поэт может произвольно черпать из той и другой; он избирает между историческими памятниками и народными преданиями и из всех сих богатых материалов составляет целое [69. С. 63–65].

К мнению С.С. Уварова присоединился и анонимный рецензент «Сына отечества», больший упор сделавший не на поэтику жанра (русский размер, мифология в соседстве с историей, локальный колорит), а на свойства таланта Жуковского, обещавшие успех предприятия:

Г. Уваров в письме своем об экзаметре говорит между прочим, что русские могут иметь свою отечественную поэму и назначает для оной именно: *эпоху до християнства и последующую*, которую называет он *эпохой нашего рыцарства*. <...> Если г. Жуковский согласился на его приглашение написать поэму из нашей истории, то он должен непременно избрать сей период, от рождения славянского народа до разделения княжеств по смерти Владимира. Мы пожелаем с г. Уваровым, чтоб автор «Певца во стане русских воинов», «Двенадцати спящих дев» и пр. – поэт, который умеет соединять пламенное, часто своеенравное воображение с необыкновенным искусством писать, посвятил жизнь свою на произведение такого рода для славы отечества (которое умеет чувствовать его заслуги) и не истощил бы своего бесценного таланта на блестящие безделки [70. С. 102–103].

Надежды на появление эпической поэмы на древнерусский сюжет возобновились после публикации в 1817 г. «Двенадцати спящих

дев». Об этом не преминул напомнить С.С. Уваров в своей рецензии [39], а Н.И. Греч, перечисляя эпические опыты 1817 г., счел их очевидным шагом к большому полотну:

В эпическом роде отличаются «Рождение Омера», преисполненное красотами поэзии стихотворение г. *Гнедича*, и «Двенадцать спящих дев» г. *Жуковского* – одно из прекраснейших произведений сего поэта, а в лирическом его же «Певец на Кремле». Давно уже говорили и писали, что г. *Жуковский* занимается сочинением большой эпической поэмы «Владимир». Желаем, чтоб сей слух был справедлив, чтоб певец *Светланы* и *Вадима* занялся изображением сего великого происшествия, способного воспlаменить истинное дарование русского стихотворца восторгом поэзии, любви к отечеству и религии [42. С. 8].

Примечательно, что имя Жуковского изначально оказалось связано не только с вопросом о национальном эпосе, но и с полемикой о гекзаметре [71. С. 157–176]. В традиции французской литературы, усвоенной и в русской словесности, размером эпической поэмы былalexандрийский стих. Поначалу и С.С. Уваров, ратовавший в письме к Н.И. Гнедичу, а затем и в письме к В.В. Капнисту за обращение к гекзаметру, советовал Жуковскому использовать в поэме не его, а «русский размер», опробованный Н.М. Карамзиным и А.Н. Радищевым [72]. Однако очевидные успехи в популяризации нового размера, примером которых служила и немецкая литература, а также обращение к нему Н.И. Гнедича в переводе «Илиады», постепенно преодолевали представление о неорганичности данной античной формы отечественной стиховой культуре. Более того, в 1820–1830-е гг. возникла даже лингвистическая мифология, назначавшая русский и другие славянские языки прямыми преемниками древнегреческого, что делала их наследниками и античных форм стихосложения. Тем не менее для конца 1810-х гг. любое расширение сферы, где мог использоваться гекзаметр, помимо переводов древних авторов, воспринималось как большая смелость и порождало критические выпады.

Между тем Жуковский, развивая неоклассицистические интенции, от тематического обращения к Древней Греции (прозаические переводы, «Кассандра», «Ахилл») перешел к экспериментам с собственно античными формами и перевел в 1814 г. фрагмент из «Мессиады» Ф.Г. Кlopштока гекзаметром. Следующий шаг он сделал, разорвав

обязательную связь гекзаметра с жанром эпической поэмы: в 1816 и 1818 гг. он перевел этим размером шесть идиллий И.П. Гебеля. И подобное стечеие – гекзаметр, античность, немецкое влияние, бытовые сюжеты – вызвало еще один полемический взрыв. А.Ф. Мерзляков в своем «Письме из Сибири» осудил не только баллады, но и отказал в жизнеспособности русскому гекзаметру («тщетны ваши усилия, поченные российские уставщики стопосложения, тщетны! У вас не может быть ни греческих, ни латинских гекзаметров, в настоящем и подлинном смысле сего слова» [66. С. 60–61]), а В.В. Капнист отправил Жуковскому большое обличительное письмо, где пытался убедить молодого автора:

Признаюсь, прискорбно было мне видеть в сочинениях Ваших одну песнь «Мессияды», переведенную эксаметрами, по мнению моему, совершенно не свойственными русскому языку. Я утешал себя мыслью, что это была снисходительная жертва советам приятелей Ваших: одних, имеющих собственную необходимость убегать сравнения с хорошими сочинителями рифменных стихов, а других, желающих отличиться покровительством греческому и латинскому стопосложению и надеющихся вообще придать важность мнению своему деятельным участием в оном знаменитого письта. В сем упования скрепился я и молчал. Но появление «Овсяного киселя» в эксаметрах, скажу Вам не обинуясь, опечалило меня чрезмерно; я не мог с равнодушием видеть, что заставляют Вас уж весьма много жертвовать чужим предубеждениям или выгодам и помрачить превосходный дар подражанием иноязычному, не свойственному нам стихоразмерению. ... Оставьте слабые пособия новизн писателям, предпочитающим весьма легкий труд низать дактили и хореи; будьте удостоверены, что только малым числом латинников читаются эксаметры русские; что ни одного из них никто не затвердил наизусть, тогда как другие стихи Ваши, подобно ломоносовским и державинским, с приятностью в памяти читателя впечатлеваются; и, наконец, что все русские эксаметры, несмотря на покровительство некоторых пристрастных людей, будут иметь участь тилемахидовских [73. С. 507–508].

И все же успешность первых гекзаметрических опытов и Жуковского, и его коллег по цеху (Н.И. Гнедич, А.Ф. Войков), а также активное участие младокарамзинистов-романтиков в литературной жизни быстро меняли парадигму эстетических предпочтений. Так, в исключительно стиховедческом измерении из представителей нового

поколения автор «Певца во стане» в наиболее репрезентативном трактате 1810-х – втором издании «Опыта о русском стихосложении» А.Х. Востокова – упоминался чаще всего, хотя и не в связи с гекзаметром. Теоретиком стиха были, в частности, выделены его эксперименты с пятистопным ямбом и вариантами амфибрахия:

В последние годы Жуковский обновил 5-тистопные ямбы, написавши
оными несколько стихотворений, и может быть, его таланту предостав-
лено ввести сей размер в равное употребление с шестистопным [74. С. 35].

В.А. Жуковский употребил 6-тистопный амфибрахический в строфах,
сочетавши 3 таковые длинные стиха с коротким дактилическим <«К Фи-
лону»> [74. С. 41].

В стихотворении «Теон и Эсхин» Жуковского 4-хстопные мужеские
сочетавшись с 3-хстопными женскими [74. С. 42].

Баллада Жуковского «Эолова арфа» разделена на куплеты, состоящие
из 2-хстопных женских и 4-хстопных мужских в следующем сочетании
[74. С. 43].

В стихах Жуковского «Моя богиня» 3-х стопные с кратким на конце
слогом [74. С. 44].

В том же качестве одного из самых заметных и показательных по-
этов эпохи, по произведениям которого можно следить не только за
общими успехами отечественной словесности, но и за тенденциями
ее развития, Жуковский представлял в разнообразных обзорах, посвя-
щенных как отдельным жанрам, так и литературе в целом. В первом
качестве К.Н. Батюшков упомянул, например, его баллады – образец
легкой словесности: «баллады Жуковского, сияющие воображением
часто своенравным, но всегда пламенным, всегда сильным» [75. С. 55]. С 1815 г. поэт стал непременным персонажем критического
жанра годового обозрения. Сначала его послание к императору отме-
тил П.М. Строев в «Обозрении успехов российской словесности в
продолжение первой половины 1815 года» [20. С. 145], а в «Обозре-
нии русской литературы 1815 и 1816 годов» Н.И. Гречи Жуковский
фигурировал уже как автор и издатель целого комплекса произведе-
ний («Переводы в прозе», «Императору Александру», «Стихотворе-
ния»).

ния Василия Жуковского», «Собрание образцовых сочинений и переводов в стихах и прозе») [76. С. 59–60, 62]. Эту тенденцию продолжил В.К. Кюхельбекер во «Взгляде на нынешнее состояние русской словесности» («Coup d’œil sur l’état actuel de la litterature russe») [68. С. 157] и Н.И. Греч в статье «О произведениях русской словесности в 1817 году» [42. С. 8].

Таким образом, литературная критика 1803–1819 гг. в 78 выявленных на сегодняшний день публикациях, где Жуковский упоминался или выступал главным героем, отразила не только перипетии становления его авторской репутации, но и эволюцию эстетической парадигмы, выдвинувшую на первое место романтическую программу младших карамзинистов.

Список источников

1. Киселев В.С. Творчество В.А. Жуковского в рецепции литературной критики первой половины XIX века: к постановке проблемы // Имагология и компаративистика. 2024. № 21. С. 207–219.
2. Киселев В.С. «Некоторые стихотворения Жуковского и теперь уже заслуживают лестное внимание»: литературная репутация поэта в 1797–1812 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 5–16.
3. Киселев В.С. «Чудо, сотворенное тобою, удивительнее чуда Орфея»: литературная репутация В.А. Жуковского в 1813–1820 гг. // Имагология и компаративистика. 2025. № 23. С. 203–234.
4. Макаров П.И. Новые книги. Утренняя заря. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона. М., 1800 и 1803 г. В 12 д. л. Книжки: первая и вторая // Московский Меркурий. 1803. Ч. 2. Июнь. С. 180–184.
5. Багно В.Е. Жуковский – переводчик «Дон Кихота» // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 2012. Т. 9. С. 429–448.
6. Каченовский М.Т. Новая книга. «Дон Кишот Ламанхский». Сочинение Серванта. Переведено с французского Флорианова перевода В. Жуковским : в 6 т. В 12 д. л. Москва. В типографии Платона Бекетова // Вестник Европы. 1806. Ч. 30. № 24. С. 286–292.
7. Что желательно в пользу российского языка // Улей. 1811. Ч. 1, № 1. С. 6–14.
8. Шаликов П.И. Письмо любезному издателю «Вестника Европы» // Аглайя. 1809. Ч. 7. Июль. С. 26–29.
9. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 10, кн. 2. 832 с.
10. Два слова постороннего // Цветник. 1809. Ч. 3. № 9. С. 391–396.

11. Вяземский П.А. Запросы господину Василию Жуковскому от современников и потомков (1809) // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений : в 12 т. СПб. : Издание графа С.Д. Шереметева, 1878. Т. 1. С. 1–9.
12. Глинка С.Н. Письмо к издателю // Русский вестник. 1808. № 4. С. 113–120.
13. Гераков Г.В. Российские исторические отрывки, писанные Гавриилом Гераковым, издателем «Твердости духа русских», не помещенные господином Жуковским в свой журнал «Вестник Европы» 1808 года, с прибавлением и того, что не помещено 1805 года в «Вестник же Европы» господином Каченовским. Петроград : при 1-м Кадетском корпусе, 1810. 17 с.
14. Российские исторические отрывки, писанные Гавриилом Гераковым, издателем «Твердости духа русских», не помещенные господином Жуковским в свой журнал «Вестник Европы» 1808 года, с прибавлением и того, что не помещено 1805 года в «Вестник же Европы» господином Каченовским. Петроград: При 1-м Кадетском корпусе. 1810 // Цветник. 1810. Ч. 6, № 6. С. 381–385.
15. Бестужев-Рюмин М.А. Рассуждение о «Певце в стане русских воинов». СПб. : В тип. И. Иоаннесова, 1822. 68 с.
16. Разные известия и замечания // Сын отечества. 1814. Ч. 18, № 49. С. 145–149.
17. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера // Русский вестник. 1814, № 7. С. 3–120.
18. К. Императору Александру. Стихотворение Василия Жуковского. С.П.Б. в типографии Ф. Дрехслера, 1815, 19 стр. в 4 // Русский инвалид. 1815. № 16 (24 февр.). С. 1.
19. Императору Александру. Стихотворение Василия Жуковского. С.П.Б. 1815. В тип. Ф. Дрехслера, в 4 19 стр. // Сын отечества. 1815. Ч. 20, № 7. С. 26–28.
20. Строев П.М. Обозрение успехов российской словесности в продолжение первой половины 1815 года // Современный наблюдатель российской словесности. 1815. № 18. С. 142–148.
21. <Измайлов В.В.> Императору Александру. Стихотворение Василия Жуковского. С. Петербург. В типографии Ф. Дрехслера. 1815 // Российский музейм. 1815. № 5. С. 202–210.
22. Долгушин Д.В. Литературная репутация В.А. Жуковского в 1808–1815 гг.: от «Вестника Европы» к «Российскому музеуму» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2. С. 89–100.
23. Певец на Кремле, Василия Жуковского. С.П.б. 1816. В Медицинской тип. В б. 8, 21 стр. // Сын отечества. 1817. Ч. 35, № 2. С. 69–75.
24. Смесь. 2 // Сын отечества. 1817. Ч. 35, № 1. С. 40.
25. Высочайшее благоволение знаменитому российскому писателю Жуковскому // Отечественный памятник. 1817. № 1. С. 12–13.
26. <Без заглавия. «Молитва русского народа»> // Северная почта. 1818. № 103 (25 декабря). С. 1.

27. Für Wenige. Для немногих. № 1. Москва. 1818. В тип. Августа Семена. В м. 8. 36 стр. // Сын отечества. 1818. Ч. 44, № 9. С. 113.
28. Новости литературные <«Für Wenige. Для немногих»> // Сын отечества. 1819. Ч. 55, № 19. С. 133–136.
29. Гонорский Р.Т. Нечто о нашей живописной прозе и о нынешнем состоянии русской словесности // Украинский вестник. 1816. Ч. 4, № 12. С. 374–384.
30. Двенадцать спящих дев, старинная повесть, сочинение Василия Жуковского. С эпиграфом из Гете: Das Wunder ist des Glaubens libstes Kind. – с гравированною картинкою и виньетою. С.П.б. в Медицинской типографии, 81 стран. В 12 // Сын отечества. 1817. Ч. 39, № 32. С. 230–232.
31. Р.Л. О новой балладе г. Жуковского (К издателям из С.П.бурга) // Украинский вестник. 1817. Ч. 7, № 8. С. 246–247.
32. Жуковский В.А. Овсяный кисель <преамбула> // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1818. Ч. 10. Стихотворения. С. 62–63.
33. Виницкий И.Ю. Дом толкователя: поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 328 с.
34. К. Стихотворения Василия Жуковского. Ч. I. С. П. Б. в Медицинской типографии, 1815, в б. 8 // Русский инвалид. 1816. № 18 (22 янв.). С. 3–4.
35. Осташевский архив князей Вяземских. СПб. : Изд. гр. С.Д. Шереметева, 1899. Т. 1. 730 с.
36. Шаховской А.А. Урок кокеткам, или Липецкие воды // Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения. Л. : Советский писатель, 1961. С. 119–264.
37. Виролайнен М.Н. Карамзинизм и антикарамзинизм арзамасцев // Жуковский и другие: Материалы II Международных научных чтений памяти Александра Сергеевича Янушкевича, Томск, 18–20 сентября 2024 г. Томск : Изд-во ТГУ, 2025. В печати.
38. <Без заглавия. «Песнь русскому царю от его воинов»> // Северная почта. 1815. № 94 (24 ноября). С. 1.
39. <Уваров С.С.> Les douzes vierges dormantes, poème de M. Joukowsky // Le Conservateur impartial. 1817. № 63 (mardi le 7 aout). Р. 325–326.
40. Разные известия <«Двенадцать спящих дев»> // Сын отечества. 1817. Ч. 39, № 31. С. 190.
41. Жуковский В.А. Гебель. Красный карбункул (сказка) <преамбула> // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1817. Ч. 9. Стихотворения. С. 49–50.
42. Греч Н.И. О произведениях русской словесности в 1817 году // Сын отечества. 1818. Ч. 43, № 1. С. 3–13.
43. <Без заглавия. «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича»> // Северная почта. 1818. № 41 (22 мая). С. 2.

44. Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. Часть девятая. М. 1817 г. в Унив. тип. в 8 134 и 89 стр. // Сын отечества. 1818. Ч. 44, № 10. С. 148.
45. Жуковский В.А. Овсяный кисель <примечание> // Сын отечества. 1818. Ч. 44, № 11. С. 190.
46. Новости литературные <«Орлеанская дева»> // Сын отечества. 1819. Ч. 54, № 22. С. 136–137.
47. Литература <«Стихотворения Василия Жуковского»> // Русский инвалид. 1815. № 85 (23 октября). С. 1.
48. <Без заглавия. «Стихотворения Василия Жуковского»> // Северная почта. 1815. № 85 (23 октября). С. 1.
49. Стихотворения Василия Жуковского. Часть I. С.П.б. В Медиц. тип. в 4 247 стр. // Сын отечества. 1816. Ч. 27, № 3. С. 112–113.
50. Стихотворения Василия Жуковского. Издание второе. Три части. С.П.б., 1818, в типографии Императорского Воспитательного дома. В 8. В 1 части 194, во 2307, в 3 232 стр. // Сын отечества. 1818. Ч. 45, № 18. С. 225.
51. Переводы в прозе В. Жуковского. Часть I. Повести. Москва 1816, в Унив. тип., в 8 294 стр. // Сын отечества. 1816. Ч. 31, № 29. С. 109.
52. Разные известия <«Переводы в прозе В. Жуковского»> // Сын отечества. 1817. Ч. 37, № 16. С. 154–155.
53. «Опыты в прозе» Василия Жуковского. М. 1818, в тип. Селивановского, в 8, 234 стр. // Сын отечества. 1818. Ч. 47, № 27. С. 55–56.
54. <Без заглавия. «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах»> // Северная почта. 1815. № 45 (5 июня). С. 2.
55. Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Изданное Обществом любителей отечественной словесности. Часть I. С.П.б. 1815. В Медиц. тип. в 8 339 стр. // Сын отечества. 1815. Ч. 22, № 22. С. 104–105.
56. Внутренние известия // Русский инвалид. 1817. № 5 (7 янв.). С. 1.
57. Внутренние известия // Русский инвалид. 1818. № 91 (23 апр.). С. 1.
58. Протокол 15-го заседания, обыкновенного // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. Летописи Общества. Год II. 1817. Ч. 8. С. 28–33.
59. Отчет об упражнениях и действиях Общества любителей российской словесности // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. Летописи Общества. Год II. 1817. Ч. 8. С. 212–220.
60. <Без заглавия> // Северная почта. 1818. № 83 (16 октября). С. 2.
61. С.П. Внутренние известия // Русский инвалид. 1818. № 242 (18 октября). С. 1–2.
62. Ученые, благотворительные и другие общества // Сын отечества. 1818. Ч. 49, № 42. С. 181.
63. О собрании Академии Российской 21-го сентября 1818 г. // Известия Российской Академии. 1819. Кн. 7. С. 123–126.

64. <Гнедич Н.И.> О вольном переводе Бюргеровой баллады «Ленора» // Сын отечества. 1816. Ч. 31, № 27. С. 3–22.
65. <Грибоедов А.С.> О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора» // Сын отечества. 1816. Ч. 31, № 30. С. 150–160.
66. <Мерзляков А.Ф.> Письмо из Сибири // Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1818. Ч. 11. Отд. 1. Прозаические сочинения. С. 52–70.
67. Иезуитова Р.В. Баллада в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л. : Наука, 1978. С. 138–163.
68. Кюхельбекер В.К. Взгляд на нынешнее состояние русской словесности // Вестник Европы. 1817. Ч. 95, № 17/18. С. 154–157.
69. Уваров С.С. Ответ г. Уварова на письмо г. Капниста об экзаметре // Чтения в Беседе любителей русского слова. Чтение 17. СПб. : При Сенатской типографии, 1815. С. 47–67.
70. Письмо к И. М. М. А. о сочинениях г. Муравьева, изданных по его кончине. Москва. 1810 // Сын отечества. 1814. Ч. 16, № 35. С. 87–116.
71. Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М. : Индрик, 2001. 400 с.
72. Западов В.А. «Русские размеры» в поэзии конца XVIII века // XVIII век. СПб.: Наука, 1999. Сб. 21. С. 391–400.
73. Капнист В.В. Собрание сочинений : в 2 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2. 636 с.
74. Востоков А.Х. Опыт о русском стихосложении. СПб. : В Морской тип., 1817. 168 с.
75. Батюшков К.Н. О влиянии легкой поэзии на образованность языка // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1816. Ч. 6: Прозаические сочинения. С. 35–62.
76. Греч Н.И. Обозрение русской литературы 1815 и 1816 годов (Окончание) // Сын отечества. 1817. Ч. 35, № 2. С. 55–67.

References

1. Kiselev, V.S. (2024) Vasily Zhukovsky's works in the reception of literary criticism of the first half of the 19th century: To the problem statement. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 21. pp. 207–219. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/21/10
2. Kiselev, V.S. (2025a) "Some of Zhukovsky's poems even now deserve flattering attention": The poet's literary reputation in 1797–1812. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 5–16. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/1
3. Kiselev, V.S. (2025b) "The miracle you have performed is more amazing than the miracle of Orpheus": The literary reputation of Vasily Zhukovsky in 1813–1820.

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies. 23. pp. 203–234. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/23/11

4. Makarov, P.I. (1803) *Novye knigi. Utrennyaya zarya. Trudy vospitannikov Universitetskogo blagorodnogo pansiona.* M., 1800 i 1803 g. V 12 d. I. Knizhki: pervaya i vtoraya
- [New books. Morning Star. Works of the students of the University Noble Boarding School. Moscow, 1800 and 1803. In 12th degree of sheet. Booklets one and two]. *Moskovskiy Merkuriy.* 2. June. pp. 180–184.
5. Bagno, V.E. (2012) Zhukovsky – perevodchik "Don Kikhota" [Zhukovsky as a translator of "Don Quixote"]. In: Zhukovsky, V.A. *Polnoe sobranie sochineny i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols]. Vol. 9. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 429–448.
6. Kachenovskiy, M.T. (1806) *Novaya kniga. "Don Kishot Lamankhskiy". Sochinenie Servanta.* Perevedeno s frantsuzskogo Floranova perevoda V. Zhukovskim: v 6 t. V 12 d. I. Moskva. V tipografii Platona Beketova [A new book. "Don Quixote of La Mancha." A work by Cervantes. Translated from the French translation of Florian by V. Zhukovsky: in 6 vols. In 12th degree of sheet. Moscow. At the printing house of Platon Beketov]. *Vestnik Evropy.* 30 (24). pp. 286–292.
7. Anon. (1811) *Chto zhelatel'no v pol'zu rossiyskogo yazyka* [What is desirable for the benefit of the Russian language]. *Ulei.* 1 (1). pp. 6–14.
8. Shalikov, P.I. (1809) *Pis'mo liubeznomu izdateliu "Vestnika Evropy"* [A letter to the dear publisher of the "Herald of Europe"]. *Aglaya.* 7. July. pp. 26–29.
9. Zhukovsky, V.A. (2014) *Polnoe sobranie sochineny i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols]. Vol. 10. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
10. Anon. (1809) *Dva slova postoronnego* [Two words from an outsider]. *Tsvetnik.* 3 (9). pp. 391–396.
11. Vyazemskiy, P.A. (1878) *Polnoe sobranie sochineny: v 12 t.* [Complete Works: in 12 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: S.D. Sheremetev. pp. 1–9.
12. Glinka, S.N. (1808) *Pis'mo k izdatelyu* [Letter to the publisher]. *Russkiy vestnik.* 4. pp. 113–120.
13. Gerakov, G.V. (1810) *Rossiyskie istoricheskie otryvki, pisannye Gavriilom Gerakovym, izdatelem "Tverdosti dukha russkikh", ne pomeshchennye gospodinom Zhukovskim v soyu zhurnal "Vestnik Evropy" 1808 goda, s pribavleniem i togo, chto ne pomeshchено 1805 goda v "Vestnik zhe Evropy" gospodinom Kachenovskim* [Russian Historical Fragments, written by Gavriil Gerakov, publisher of "The Fortitude of the Russian Spirit," not included by Mr. Zhukovsky in his journal "Herald of Europe" in 1808, with an addition of what was not included in "Herald of Europe" by Mr. Kachenovsky in 1805]. Petrograd: pri 1-m Kadetskem korpusse.
14. Gerakov, G. (1810) *Rossiyskie istoricheskie otryvki, pisannye Gavriilom Gerakovym, izdatelem "Tverdosti dukha russkikh", ne pomeshchennye gospodinom Zhukovskim v soyu zhurnal "Vestnik Evropy" 1808 goda, s pribavleniem i togo, chto ne pomeshchено 1805 goda v "Vestnik zhe Evropy" gospodinom Kachenovskim.* Petrograd. Pri 1-m Kadetskem korpusse [Russian historical fragments, written by Gavriil Gerakov, publisher of "The Fortitude of the Russian Spirit," not included by

Mr. Zhukovsky in his journal "Herald of Europe" in 1808, with an addition of what was not included in "Herald of Europe" by Mr. Kachenovsky in 1805. Petrograd. At the 1st Cadet Corps. 1810]. *Tsvetnik*. 6 (6). pp. 381–385.

15. Bestuzhev-Ryumin, M.A. (1822) *Rassuzhdenie o "Pevtse v stane russkikh voinov"* [A Discourse on "The Bard in the Camp of the Russian Warriors"]. St. Petersburg: V tip. I. Ioannesova.
16. Anon. (1814) *Raznye izvestiya i zamechaniya* [Miscellania]. *Syn otechestva*. 18 (49). pp. 145–149.
17. Glinka, F.N. (1814) *Pis'ma russkogo ofitsera* [Letters of a Russian officer]. *Russkiy vestnik*. 7. pp. 3–120.
18. Zhukovsky, V. (1815) K. Imperatoru Aleksandru. *Stikhotvorenie Vasiliya Zhukovskogo*. S.P.B. v tipografii F. Drekhslera, 1815, 19 str. v 4 [To Emperor Alexander. A poem by Vasily Zhukovsky. St. Petersburg at the printing house of F. Drekhslers, 1815]. *Russkiy invalid*. 24th February. p. 1.
19. Zhukovsky, V. (1815) Imperatoru Aleksandru. *Stikhotvorenie Vasiliya Zhukovskogo*. S.P.b. 1815. V tip. F. Drekhslera, v 4 19 str. [To Emperor Alexander. A poem by Vasily Zhukovsky. St. Petersburg, 1815. At the printing house of F. Drekhslers]. *Syn otechestva*. 20 (7). pp. 26–28.
20. Stroev, P.M. (1815) *Obozrenie uspekhov rossiyskoy slovesnosti v prodolzhenie pervoy poloviny 1815 goda* [A review of the progress of Russian literature during the first half of 1815]. *Sovremennyy nablyudatel' rossiyskoy slovesnosti*. 18. pp. 142–148.
21. <Izmaylov, V.V.> (1815) Imperatoru Aleksandru. *Stikhotvorenie Vasiliya Zhukovskogo*. S. Peterburg. V tipografii F. Drekhslera [To Emperor Alexander. A poem by Vasily Zhukovsky. St. Petersburg. At the printing house of F. Drekhslers]. *Rossiyskiy muzeum*. 5. pp. 202–210.
22. Dolgushin, D.V. (2025) Literaturnaya reputatsiya V.A. Zhukovskogo v 1808–1815 gg.: ot "Vestnika Evropy" k "Rossiyskomu muzeumu" [The literary reputation of V.A. Zhukovsky in 1808–1815: From the "Herald of Europe" to the "Russian Museum"]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija*. 24 (2). pp. 89–100.
23. Zhukovsky, V. (1817) *Pevets na Kremle*, Vasiliya Zhukovskogo. S.P.b. 1816. V Meditsinskoy tip. V b. 8, 21 str. [The Singer in the Kremlin, by Vasily Zhukovsky. St. Petersburg, 1816. At the Medical printing house]. *Syn otechestva*. 35 (2). pp. 69–75.
24. Anon. (1817) *Smes'*. 2 [Miscellany, 2]. *Syn otechestva*. 35 (1). p. 40.
25. Anon. (1817) *Vysochayshee blagovolenie znamenitomu rossiyskomu pisatelyu Zhukovskomu* [The highest favor shown to the famous Russian writer Zhukovsky]. *Otechestvennyy pamyatnik*. 1. pp. 12–13.
26. Anon. (1818) <Bez zaglaviya. "Molitva russkogo Naroda"> [Untitled. "Prayer of the Russian People"]. *Severnaya pochta*. 25th December. p. 1.
27. Anon. (1818) Für Wenige. Dlya nemnogikh. № 1. Moskva. 1818. V tip. Avgusta Semena. V m. 8. 36 str. [For a Few. For the Few. No. 1. Moscow. 1818. At the printing house of Avgust Semen. In 8th degree. 36 pp.]. *Syn otechestva*. 44 (9). pp. 113.

28. Anon. (1819) Novosti literaturnye <Für Wenige. Dlya nemnogikh> [Literary news <For a Few. For the Few>]. *Syn otechestva*. 55 (19). pp. 133–136.
29. Gonorskiy, R.T. (1816) Nechto o nashey zhivopisnoy proze i o nyneshnem sostoyanii russkoy slovesnosti [Something about our picturesque prose and the current state of Russian literature]. *Ukrainskiy vestnik*. 4 (12). pp. 374–384.
30. Zhukovsky, V. (1817) Dvenadtsat' spyashchikh dev, starinnaya povest', sochinenie Vasiliya Zhukovskogo. S epigrafom iz Gete: Das Wunder ist des Glaubens libstes Kind. – s gravirovannoy kartinkoyu i vin'etoyu. S.P.b. v Meditsinskoy tipografii, 81 stran. V 12. [Twelve Sleeping Maidens, an ancient tale, a work by Vasily Zhukovsky. With an epigraph from Goethe... With an engraved picture and a vignette. St. Petersburg at the Medical printing house, 81 pages. In 12]. *Syn otechestva*. 39 (32). pp. 230–232.
31. R.L. (1817) O novoy ballade g. Zhukovskogo (K izdatelyam iz S.P.burga) [About a new ballad by Mr. Zhukovsky (To the publishers from St. Petersburg)]. *Ukrainskiy vestnik*. 7 (8). pp. 246–247.
32. Zhukovsky, V.A. (1818) Ovsyanyy kisel' <preambula> [Oatmeal jelly <preamble>]. *Trudy Obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete*. 10. pp. 62–63.
33. Vinitksiy, I.Yu. (2006) *Dom tolkovatelya: poeticheskaya semantika i istoricheskoe voobrazhenie V.A. Zhukovskogo* [The House of the Interpreter: Poetic Semantics and the Historical Imagination of V.A. Zhukovsky]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
34. K. (1816) Stikhotvoreniya Vasiliya Zhukovskogo. Ch. I. S. P. B. v Meditsinskoy tipografii, 1815, v. b. 8 [Poems by Vasily Zhukovsky. Part I. St. Petersburg at the Medical printing house, 1815, in 8]. *Russkiy invalid*. 22nd January. pp. 3–4.
35. Anon. (1899) *Ostaf'evskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh* [The Ostafyevo Archive of the Vyazemsky Princes]. Vol. 1. St. Petersburg: S.D. Sheremetev.
36. Shakhovskoy, A. A. (1961) *Komedii. Stikhotvoreniya* [Comedies. Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 119–264.
37. Virolaynen, M.N. (2025) Karamzinizm i antikaramzinizm arzamastsev [Karamzinism and anti-Karamzinism of the Arzamas members]. *Zhukovskiy i drugie* [Zhukovsky and Others]. Porc. of the 2nd International Conference in Memory of Aleksandr Sergeevich Yanushevich, Tomsk, September 18–20, 2024. Tomsk: Tomsk State University.
38. Anon. (1815) <Bez zaglaviya. "Pesn' russkomu tsaryu ot ego voinov"> [Untitled. "Song to the Russian Tsar from his warriors"]. *Severnaya pochta*. 24th November. p. 1.
39. <Uvarov, S.S.> (1817) Les douzes vierges dormantes, poème de M. Joukovsky. *Le Conservateur impartial*. 63 (mardi le 7 aout). pp. 325–326.
40. Anon. (1817) Raznye izvestiya <Dvenadtsat' spyashchikh dev> [Various news <Twelve Sleeping Maidens>]. *Syn otechestva*. 39 (31). p. 190.

41. Zhukovsky, V.A. (1817) Gebel'. Krasnyy karbunkul (skazka) <preamble> [Hebel. The red carbuncle (a fairy tale) <preamble>]. *Trudy Obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete*. 9. pp. 49–50.
42. Grech, N.I. (1818) O proizvedeniyakh russkoy slovesnosti v 1817 godu [On the works of Russian literature in 1817]. *Syn otechestva*. 43 (1). pp. 3–13.
43. Anon. (1818) <Bez zaglaviya. "Gosudaryne velikoy knyagine Aleksandre Fedorovne na rozhdenie v. kn. Aleksandra Nikolaevicha"> [Untitled. "To Her Imperial Highness Grand Duchess Alexandra Feodorovna on the birth of Grand Duke Alexander Nikolaevich"]. *Severnaya pochta*. 22nd May. p. 2.
44. Anon. (1918) *Trudy Obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete*. Chast' devyataya. M. 1817 g. v Univ. tip. v 8 134 i 89 str. [Proceedings of the Society of Lovers of Russian Literature at the Imperial Moscow University. Part nine. Moscow 1817 at the University printing house in 8th degree 134 and 89 pp.]. *Syn otechestva*. 44 (10). p. 148.
45. Zhukovsky, V.A. (1818) Ovsyanyy kisel' <primechanie> [Oatmeal jelly <note>]. *Syn otechestva*. 44 (11). p. 190.
46. Anon. (1819) Novosti literaturnye <Orleanskaya deva> [Literary news <The Maid of Orleans>]. *Syn otechestva*. 54 (22). pp. 136–137.
47. Anon. (1815) Literatura <Stikhovoreniya Vasiliya Zhukovskogo> [Literature <Poems by Vasily Zhukovsky>]. *Russkiy invalid*. 23rd October. p. 1.
48. Anon. (1815) <Bez zaglaviya. Stikhovoreniya Vasiliya Zhukovskogo> [Untitled. Poems by Vasily Zhukovsky]. *Severnaya pochta*. 23rd October. p. 1.
49. Zhukovsky, V. (1816) Stikhovoreniya Vasiliya Zhukovskogo. Chast' I. S.P.b. V Medits. tip. v 4 247 str. [Poems by Vasily Zhukovsky. Part I. St. Petersburg. At the Medical printing house in 4th degree 247 pp.]. *Syn otechestva*. 27 (3). pp. 112–113.
50. Zhukovsky, V. (1818) Stikhovoreniya Vasiliya Zhukovskogo. Izdanie vtoroe. Tri chasti. S.P.b., 1818, v tipografii Imperatorskogo Vospitatel'nogo doma. V 8. V 1 chasti 194, vo 2307, v 3 232 str. [Poems by Vasily Zhukovsky. Second edition. Three parts. St. Petersburg, 1818, at the printing house of the Imperial Orphanage. In 8th degree. In part 1 194, in part 2 307, in part 3 232 pp.]. *Syn otechestva*. 45 (18). p. 225.
51. Anon. (1816) Perevody v proze V. Zhukovskogo. Chast' I. Povesti. Moskva 1816, v Univ. tip., v 8 294 str. [Prose translations by V. Zhukovsky. Part I. Stories. Moscow 1816, at the University printing house, in 8, 294]. *Syn otechestva*. 31 (29). p. 109.
52. Anon. (1817) Raznye izvestiya <Perevody v proze V. Zhukovskogo> [Various news <Prose translations by V. Zhukovsky>]. *Syn otechestva*. 37 (16). pp. 154–155.
53. Anon. (1818) "Opty v proze" Vasiliya Zhukovskogo. M. 1818, v tip. Selivanovskogo, v 8, 234 str. ["Experiments in prose" by Vasily Zhukovsky. Moscow 1818, at the printing house of Selivanovsky, in 8, 234 pp.]. *Syn otechestva*. 47 (27). pp. 55–56.

54. Anon. (1815) <Bez zaglaviya. "Sobranie obraztsovykh russkikh sochineniy i perevodov v stikhakh"> [Untitled. "A collection of exemplary Russian works and translations in verse"]. *Severnaya pochta*. 5th June, p. 2.
55. Anon. (1815) *Sobranie obraztsovykh russkikh sochineniy i perevodov v stikhakh*. Izdannoe Obshchestvom lyubiteley otechestvennoy slovesnosti. Chast' I. S.P.b. 1815. V Medits. tip. v 8 339 str. [A collection of exemplary Russian works and translations in verse. Published by the Society of Lovers of Russian Literature. Part I. St. Petersburg 1815. At the Medical printing house in 8, 339 pp.]. *Syn otechestva*. 22 (22). pp. 104–105.
56. *Russkiy invalid*. (1817) *Vnutrennie izvestiya* [Domestic news]. 7th January. p. 1.
57. *Russkiy invalid*. (1818) *Vnutrennie izvestiya* [Domestic news]. 23r April. p. 1.
58. Anon. (1817) *Protokol 15-go zasedaniya, obyknovennogo* [Minutes of the 15th meeting, regular]. *Trudy Obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete. Letopisi Obshchestva*. 2 (8). pp. 28–33.
59. Anon. (1817) *Otchet ob uprazhneniyakh i deystviyakh Obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti* [Report on the exercises and actions of the Society of Lovers of Russian Literature]. *Trudy Obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete. Letopisi Obshchestva*. 2 (8). pp. 212–220.
60. Anon. (1818) <Bez zaglaviya> [Untitled]. *Severnaya pochta*. 16th October. p. 2.
61. Anon. (1818) S.P. *Vnutrennie izvestiya* [S.P. Domestic news]. *Russkiy invalid*. 18th October. pp. 1–2.
62. Anon. (1818) *Uchenye, blagotvoritel'nye i drugie obshchestva* [Scientific, charitable and other societies]. *Syn otechestva*. 49 (42). p. 181.
63. Anon. (1819) *O sobrani Akademii Rossiyskoy 21-go sentyabrya 1818 g.* [On the meeting of the Russian Academy on September 21, 1818]. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii*. 7. pp. 123–126.
64. <Gnedich, N.I.> (1816) *O vol'nom perevode Byurgerovoy ballady "Lenora"* [On the free translation of Bürger's ballad "Lenore"]. *Syn otechestva*. 31 (27). pp. 3–22.
65. <Griboedov, A.S.> (1816) *O razbore vol'nogo perevoda Byurgerovoy ballady "Lenora"* [On the analysis of the free translation of Bürger's ballad "Lenore"]. *Syn otechestva*. 31 (30). pp. 150–160.
66. <Merzlyakov, A.F.> (1818) *Pis'mo iz Sibiri* [A letter from Siberia]. *Trudy Obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti pri Moskovskom universitete*. 11. pp. 52–70.
67. Iezuitova, R.V. (1978) *Ballada v epokhu romantizma* [The ballad in the era of Romanticism]. In: *Russkiy romantizm* [Russian Romanticism]. Leningrad: Nauka. pp. 138–163.
68. Kyukhelbeker, V.K. (1817) *Vzglyad na nyneshnee sostoyanie russkoy slovesnosti* [A look at the current state of Russian literature]. *Vestnik Evropy*. 95 (17/18). pp. 154–157.
69. Uvarov, S.S. (1815) *Otvet g. Uvarova na pis'mo g. Kapnista ob ekzametre* [Mr. Uvarov's response to Mr. Kapnist's letter about the hexameter]. In: *Chteniya v Besede*

lyubiteley russkogo slova [Readings at the Colloquy of Lovers of the Russian Word]. Part 17. St. Petersburg: Pri Senatskoy tipografi. pp. 47–67.

70. Anon. (1814) Pis'mo k I. M. M. A. o sochinemiyakh g. Murav'eva, izdannyykh po ego konchine. Moskva. 1810 [A letter to I.M.M.A. about the works of Mr. Muravyov, published posthumously. Moscow. 1810]. *Syn otechestva*. 16 (35). pp. 87–116.

71. Egunov, A.N. (2001) *Gomer v russkikh perevodakh XVIII–XIX vekov* [Homer in Russian Translations of the 18th–19th Centuries]. Moscow: Indrik.

72. Zapadov, V.A. (1999) "Russkie razmery" v poezii kontsa XVIII veka ["Russian Meters" in the Poetry of the Late 18th Century]. In: *XVIII vek* [The 18th Century]. Sb. 21. St. Petersburg: Nauka. pp. 391–400.

73. Kapnist, V.V. (1960) *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Collected Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: AS USSR.

74. Vostokov, A.Kh. (1817) *Opyt o russkom stikhoslozenii* [An Essay on Russian Versification]. St. Petersburg: V Morskoy tip.

75. Batyushkov, K.N. (1816) O vliyanii legkoy poezii na obrazovannost' yazyka [On the influence of light poetry on the education of language]. *Trudy Obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti pri Imperatorskem Moskovskom universitete*. 6. pp. 35–62.

76. Grech, N.I. (1817) Obozrenie russkoy literatury 1815 i 1816 godov (Okonchanie) [A review of Russian literature of 1815 and 1816 (Conclusion)]. *Syn otechestva*. 35 (2). pp. 55–67.

Информация об авторе:

Киселев В.С. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Kiselev, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian and Foreign Literature, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 20.07.2025.

The article was accepted for publication 20.07.2025.